

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА и Русская Православная Церковь

Александр Торопцев

- война
- воспитание
- Православная Церковь
- пропаганда
- духовная борьба
- Советский Союз
- национализм

Одним из своих потенциальных союзников в борьбе против СССР Гитлер называл Русскую Православную Церковь и верующих граждан огромной державы. Справедливости ради стоит сказать, что об этом возможном помощнике он думал в последнюю очередь. Посылая солдат в Восточную Европу, фюрер крепко надеялся на то, что многонациональное государство распадется после первых же побед вермахта. Не случилось. Победы в июне-августе 1941 г. были впечатляющими, но Советский Союз не рухнул. И советский народ не сдался, не прекратил борьбу, в том числе и на оккупированных территориях.

Нацисты почувствовали, что им нужно срочно искать союзников в Восточной Европе. Кто мог ими стать? — Обиженные советской властью. Они, действительно, предавали Родину и переходили в стан врага. Но далеко не все из обиженных советской властью изменяли отчизне, как это было принято считать во второй половине XX в. Большинство репрессированных, а также раскулаченных, большинство из тех, кто совершил уголовные преступления, оставались преданными Родине, шли в Красную армию, в партизанские отряды, в подполье и честно исполняли свой гражданский долг. В процентном отношении среди обиженных советской властью предателей, конечно, было гораздо больше, чем среди остального населения страны, но — и это быстро поняли

главари вермахта — процент этот все-таки был незначителен.

Русская Православная Церковь, как известно из истории 20 — 30-х годов XX в., претерпела и страдания, и лишения от воинствующих атеистов, которых было много среди большевиков. Они крушили православные храмы, отправляли в тюрьмы и ссылки священнослужителей, закрывали приходы... Все это было. Обо всем этом немецкие захватчики знали. Но ни Гитлер, ни никто из его ближайшего окружения до войны не разрабатывали специальных планов по работе с Русской Православной Церковью, которая, надо помнить, сыграла выдающуюся роль в становлении и укреплении русской государственности и, особенно, — Российской империи. Достаточно вспомнить такие имена, как митрополиты Петр, Алексей, игумен Троице-Сергиева монастыря Сергей Радонежский, чтобы убедиться в истинности вышесказанного. Далеко не всегда представители светской власти и высшие чины Русской православной церкви имели общее мнение по тем или иным вопросам и проблемам государства, общества, веры. Но никогда за более чем тысячелетнюю историю Русской государственности никому из внешних противников не удавалось сыграть на этих разногласиях и нанести Руси-России сокрушительное поражение. Более того, никто из врагов русских об этом и не помышлял всерьез. Не было таких глупых врагов у русских!

Мы не будем обзывать Гитлера и его ближайшее окружение грубыми словами, называть тупыми, глупыми и так далее. Они таковыми не были. Они были в своих устремлениях бесчеловечными, античеловечными. Но не тупыми. Другое дело, что яростная бесчеловечность, идеологические послы гитлеровской доктрины в конце концов привели их к, мягко говоря, не очень умным решениям. Разве

можно назвать умным попытку нацистов если не привлечь на свою сторону, то хотя бы уж нейтрализовать верующих советских граждан?!)

1 сентября 1941 г. Главное управление имперской безопасности (СД), в котором функционировал специальный церковный отдел, издал циркуляр «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза», определявший главные направления работы по этой важнейшей проблеме.

1. Поддержание религиозных движений, враждебных атеизму большевиков,
2. Дробление их на мелкие течения, а лучше на секты, не связанные, а лучше — конфронтирующие друг с другом,
3. Использование религиозных центров в качестве помощников немецкой администрации.

В тот же день были созданы рейхскомиссариаты «Украина» и «Остланд». В том же месяце на оккупированной территории стали спонтанно возникать религиозные общины. У фашистов появился великолепный шанс подчинить своим интересам обиженных советской властью верующих. Вот, мол, какие мы хорошие завоеватели: разрешили вам свободно исповедовать любую веру.

Но почему-то советские люди не торопились называть фашистов хорошими. Почему же? Потому что захватчики не могли скрыть своих истинных намерений: поработить, покорить народы Советского Союза. В идеале, конечно же, они мечтали о другом варианте, прекрасно зная из истории, что завоевать Восточную Европу никому еще не удавалось, даже Чингисидам, которые всего-навсего установили здесь режим данной зависимости. Этот идеально-кровавый вариант очень редко кому удавался. Суть его заключается вот в чем: вырезать, перевешать, перестрелять всех (лучше всех, чего уж мелочиться) жителей Восточной Европы и завозить сюда для обработки местной богатой земли дешевую рабочую силу, например, из Африки, из других регионов земного шара с хорошей демографической динамикой. Подобные примеры в истории земного шара были. Гитлеровские стратеги о них знали. Но повторить то, что, например, содеяли в Америке конкистадоры в XVI в., а затем европейские колонизаторы — в Северной Америке, они не могли, главным образом, потому что ситуация в Восточной Европе в корне отличалась от ситуации в Америке, разрозненные племена и народы которой погрязли в многовековой междоусобице.

Немецкие захватчики попытались разрушить советский монолит ударами танковых колонн —

не получилось. И тогда они стали использовать любые средства достижения своих целей. Проявление веротерпимости, попытка заигрывания с верующими — одно из этих средств.

Местоблюстителем патриаршего престола митрополит Сергей в своих посланиях к православным проявил политическую мудрость и четко обозначил позицию Русской православной церкви.

Чтобы по достоинству оценить вклад в Победу этого незаурядного человека, мы коротко расскажем о его судьбе.

Святейший патриарх Московский и всея Руси Сергей

Патриарх Сергей, в миру Иван Николаевич Страгородский, родился в Арзамасе в 1867 г. в семье потомственного священника. Мать его умерла вскоре после рождения сына. Будущего патриарха в первые годы жизни воспитывала его тетка, мать Евгения, монахиня, игуменья Алексеевского женского монастыря. В восьмилетнем возрасте Иван попал в приходское училище, окончил его и поступил в Нижегородскую семинарию. В 1886 г. Иван поступил в Петербургскую духовную академию. В 1890 г. принял постриг и был рукоположен в иеромонаха.

В 1890 г. он стал лучшим среди 47 выпускников академии, защитив кандидатскую диссертацию «Православное учение о вере и добрых делах». Все, кто учился с ним, а также преподаватели духовной академии называли его «яркой звездой курса». Иван Страгородский много и вдумчиво читал, изучал творения святых отцов Церкви, аскетическую, мистическую литературу, великолепно знал греческий, латинский, еврейский и современные европейские языки.

По окончании духовной академии иеромонах Сергей подал прошение ректору направить его на службу в Японскую православную миссию. Просьба была удовлетворена. В Японии иеромонах Сергей первым делом изучил японский язык, и уже в 1891 г. он преподавал в семинарии на родном для местных жителей языке.

Через два года иеромонах Сергей уже в Петербурге в должности доцента духовной академии, а в 1894 г. его назначают настоятелем Русской посольской церкви в Афинах и возводят в сан архимандрита. В следующем году он защищает магистерскую диссертацию «Православное учение о спасении». В 1899 г. архимандрит Сергей назначен ректором Петербургской духовной семи-

нарии, а в январе 1901 г. — ректором Петербургской духовной академии. В феврале того же года он стал епископом Ямбургским, а в октябре 1905 года назначен на самостоятельную Финляндскую и Выборгскую кафедру с возведением в сан архиепископа.

Административные обязанности не отвлекали архиепископа Сергия от постоянно научной и педагогической деятельности. Хотя, например, в Финляндии ему пришлось много сил и времени отдать борьбе с некоторыми представителями финской интеллигенции, которые пытались насильственно финизировать православных карел. В период с 1911 по 1917 г. архиепископ Сергей занимал ряд важных административных и общественных постов в Святейшем Синоде. В 1917 г. клирики и миряне избрали его на Владимирскую кафедру, он был избран членом Святейшего Синода и возведен в сан митрополита.

В 1925 г. митрополит Сергей стал заместителем патриаршего местоблюстителя, по сути возглавив Русскую Церковь после смерти патриарха Московского и всея Руси Тихона. Это были сложнейшие для русского православия годы, когда священнослужители подверглись жестокому преследованиям со стороны властей. В 1937 г., например, арестовали, а затем расстреляли Афанасия, келейника митрополита Сергия, и его сестру Надежду. А сколько церквей только в одной Москве было разрушено! Сколько священнослужителей прошли через тюрьмы и лагеря, сколько их погибло в 30-е суровые годы!

Но вот пришла война в дом родной, в родную страну, и все без исключения оставшиеся в живых служители Православной церкви отправились на священную войну с фашистами. Узнав о начале войны, митрополит Сергей сказал: «Господь милостив, и покров Пресвятой Девы Богородицы, всегдашней Заступницы Русской земли, поможет нашему народу перенести годину тяжелых испытаний и победоносно завершить войну нашей победой».

В тот же день он написал свое первое послание к православным. В нем, в частности, говорилось:

«Пастырям и пасомым Христовой Православной церкви

В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу

родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает мирную землю...»

И далее в послании написано:

«...Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий народный подвиг».

«Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины.

Патриарший Местоблюститель смиренный Сергей, митрополит Московский и Коломенский. Москва. 22 июня 1941 года».

Митрополит Сергей, человек высочайшей эрудиции, крупнейший ученый-теолог, в своих обращениях к православным верующим использовал доходчивые слова, простые фразы. Никакой вычурности, замурдренности. Есть беда народная, нужно сказать народу честное слово, вселить в народ уверенность в его собственной несокрушимой силе. Нужно называть вещи своими именами: подвиг — подвигом, слабость — слабостью, трусость — трусостью, предательство — предательством... Митрополит Сергей справлялся с этой задачей блистательно: и как глава Русской церкви, и как патриот земли Русской, и как мудрец. Об этом лучше всего говорят его послания.

В октябре 1941 года, когда немцы предприняли наступление на Москву, когда ей угрожала непосредственная опасность, и население переживало тревожные минуты, митрополит Сергей выпустил послание к московской пастве...

В нем говорилось:

«С Божиею помощью и в эту годину испытаний наш народ сумеет по-прежнему постоять за себя и рано или поздно, но прогонит прочь наседающего чужанина...

Да не потерпят наши московские святые того, что случилось со святынями других городов, захваченных немецкими ордами.

В Великом Новгороде, в храме св. Софии, едва не тысячу лет оглашавшемся православными богослужениями, на днях служил лютеранский пастор.

Да не будет подобного здесь, в сердце святой Руси. Ходят слухи, которым не хотелось бы верить, будто есть и среди наших православных пастырей лица, готовые идти в услужение ко врагам нашей родины и Церкви, — вместо святого креста, осеняться языческой свастикой. Не хочется этому верить, но если бы вопреки всему нашлись такие пастыри, я им напомию, что Святой нашей Церкви, кроме слова увещания, вручен Господом и духовный меч, карающий нарушителей присяги.

Во имя этой от Бога данной мне власти я, как архиерей, имеющий силу вязать и решать, призываю к покаянию всех, поколебавшихся из-за страха ли, или по другим причинам, а тех, кто покаяться не хочет, объявляю запрещенными в священнослужении и предаю церковному суду для еще более строгого вразумления. Бог поруган да не будет.

На тех же, кто, не щадя своей жизни, подвизается за защиту Святой Церкви и родины, и на всех, кто своими молитвами, сочувствием, трудами и пожертвованиями содействует нашим доблестным защитникам, да пребудет благословение Господне, Того благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

1/14 октября 1941 г., день Покрова Пресвятой Богородицы».

В ноябре 1941 г., уже находясь временно в Ульяновске, митрополит Сергей издал новое обращение к верующим, в котором укрепляет в народе уверенность в том, что близок час победы.

В нем говорится:

«Отрадно знать, что семя, брошенное нашей Патриархией, дает богатые всходы. Совсем недавно мы обращались к пастве, пробуждая патриотические чувства, а теперь патриотизм поднялся грозной волной для врага, и уже близок час, когда она смое с лица земли коричневую нечисть. Отрадно, что прихожане многих храмов организуют сбор средств на укрепление обороны нашей родины...»

«У русских людей, у всех, кому дорога наша отчина, сейчас одна цель — во что бы то ни стало одолеть врага. У истинного патриота не дрогнет рука для истребления фашистских захватчиков. Сердце христианина для фашистских зверей закрыто, оно источает только уничтожающую смертельную ненависть к врагу».

Это обращение, датированное 11 (24) ноября 1941 г., подписали кроме митрополита Сергея:

Смиренный Николай, митрополит Киевский и Галицкий,

Смиренный Андрей, архиепископ Куйбышевский,

Смиренный Сергей, архиепископ Можайский,

Смиренный Иоанн, архиепископ Ульяновский.

Во временно оккупированных немцами областях Украины произошло горестное для Русской православной церкви событие: викарий Вольнской епархии, епископ Владимиро-Вольнский Поликарп Сикорский, порвав с матерью-Церковью Русской, объявил себя главой автокефальной церкви в этих областях Украины и стал на путь сотрудничества с немецкими захватчиками. Это событие вызвало немедленный горячий отклик со стороны главы Русской православной церкви, патриаршего местоблюстителя, два послания которого и судебное определение по делу епископа Поликарпа приводятся нами.

К православной пастве Украины

«До меня дошло сведение, в верности которого я не имею основания сомневаться, что епископ Владимиро-Вольнский Поликарп Сикорский официально представлялся немецкому комиссару в г. Ровно и назвал себя архиепископом Луцким и Ковельским и притом главою Православной Церкви в областях Украины, захваченных немцами; выразил непримиримую ненависть к советскому режиму и принял на себя обязательство лояльно сотрудничать с немецкими властями, якобы освободителями украинского народа. Оставляя за собой до будущего времени рассмотрение этого печального дела в подробности, я спешу предупредить православную паству и духовенство Украины об этом новоявленном волке в овечьей шкуре, который, прикрываясь якобы служением чаяниям украинского народа, пытается увлечь православную паству из церковной ограды на распутье раскола и всякого самочиния.

Выступление Сикорского мне представляется явлением исключительно политического характера, а не церковного.

Он и сделал его не по личному своему почину, а по наказу политической партии.

Он все время был светским чиновником. При Петлюре он был начальником департамента в Министерстве просвещения и после разгрома петлюровцев убежал, подобно многим, в Польшу.

Сикорский уж под пятьдесят лет (сейчас ему 65 лет) принял, наконец, священство и монашество, и, вероятно, тоже по наказу политической партии,

которая и могла рассчитывать в будущем на его архиерейство в своих политических интересах.

Сведующие люди говорят, что и в самом деле Сикорский в 1932 г. посвящен был во епископа Луцкого по настоянию властей и именно в угоду партии петлюровцев.

Он и держал себя в монашестве и в архиерействе, как истый петлюровец: хвалился нелюбовью к «москалям», старался говорить только по-украински, избегал совершения служения по-славянски.

Православная паства, конечно, чувствовала, что перед ней не архиерей, а партийный политик, притом чуждый заветам православных предков. Поэтому ни любовью, ни авторитетом у православной паствы епископ Поликарп Сикорский не пользовался.

Тем же петлюровцем в душе, хотя и не столь откровенным, продолжал быть Сикорский и подчинившись в 1940 г. Московской патриархии.

Как известно, наша патриаршая Церковь, следуя апостольскому учению о происхождении государственной власти, требует от своего духовенства лояльности к советской власти. Не согласные на это без шума ушли за штат, а некоторые убежали за границу. Такую непримиримость, конечно, нельзя оправдать с точки зрения Христова учения; но ей нельзя отказать в откровенности или в некоторой порядочности.

Сикорский не воспользовался ни тем ни другим выходом. Остался у нас на службе; наравне с другими поминал патриаршего местоблюстителя как своего законного главу, то есть на деле отказался от польской автокефалии; молился за советскую власть или, по крайней мере, не отказывался от такой молитвы.

Теперь мы видим, что Сикорский, делая все это, только ожидал подходящего оборота политики, чтобы использовать свое архиерейство для изменнического выступления.

Может быть, среди политиков такая двуличность и не удивительна, но, по церковным понятиям, поведение Сикорского есть попытка удержать за собой архиерейство путем систематического обмана в своих корыстных целях; другими словами, это есть та же симония — один из тягчайших грехов, караемый лишением священства.

Другое известие: в германских газетах за декабрь 1941 г. напечатано, что «землячество Украины» (так называла себя в польском генерал-губернаторстве петлюровская партия) объявило себя

одной из епархий православной украинской автокефальной Церкви.

Митрополит Дионисий, стоявший во главе польской автокефалии, взял на себя ходатайство перед Министерством церковных дел в Германии о признании новой епархии, и германский суд в Берлине утвердил регистрацию епархии.

Заметим, что речь идет уже не об автокефалии польской Церкви, существовавшей при польском правительстве и возглавлявшейся Дионисием, а о вновь утвержденной автокефалии украинской Церкви.

Православные украинские епархии, входившие в состав Польской республики, объявляются независимыми церковно не только от Москвы (на чем стояла польская автокефалия), но и от самой якобы автокефальной польской Церкви.

Роль митрополита Дионисия не совсем ясна: или он предпочел испорченной польской автокефалии покровительствуемую фашистами украинскую автокефалию, или же оказывает любезность самостийникам, желая сохранить за собой положение в генерал-губернаторстве.

Автокефалия украинской Церкви утверждена не самой этой Церковью — например, на каком-нибудь съезде или архиерейском соборе, хотя бы для видимости собравшемся (как это с грехом пополам было в Польше). Автокефалию утверждает землячество, что-то вроде студенческого или политического клуба, и даже не на территории Украины, а где-то на чужой земле, с согласия, а может быть, и по предложению чужого, германского, правительства, к тому же находящегося теперь в состоянии войны с Украиной.

Это невиданным способом объявленная украинская автокефалия назначена идти вслед за германскими войсками, с помощью которых автокефалисты будут покорять под нозе автокефалии украинский народ, хочет он этого или не хочет.

В былое время собирались соборы для борьбы с самочинием некоторых архиереев, не считавшихся с церковными правилами, вторгшихся в чужие епархии, захватывавших самовольно кафедры. Теперь мы присутствуем при появлении целой группы самочинников (больше политиков, чем церковников), специально организованной для похода на Украину, для овладения ее вековыми святынями, для ее покорения вновь выдуманному церковному управлению.

И все это при помощи заведомых врагов славянства, опустошающих нашу землю, избивающих безоружных стариков, женщин и детей, заживо

сжигающих наших красноармейцев — раненых и больных, и проч. и проч.

По 8-му правилу святого Григория Неокесарийского, «христиане, пристающие к варварам, вместе с ними нападающие на христиан», не принимаются в число кающихся (слушающих) впредь до особого о них соборного рассуждения.

Но правило говорит о покушающихся на грабительство вместе с варварами; новоявленная же группа автокефалистов хочет при помощи варваров-фашистов насильно отнять у украинцев их вековую преданность Православной церкви.

Такого злодеяния в церковных людях святые каноны даже не предполагают!

Если преступному поведению мирян, вошедших в названную группу, трудно подыскать название и степень преступности перед Богом, Церковью, единоверцами и соотечественниками, то что сказать об архиерее, вызвавшемся стать во главе такого преступного предприятия?!

Он уже поспешил расшаркаться перед врагами в надежде, что ему и его приспешникам фашисты предоставят расправиться с православными украинскими приходами; он уже обещает полную лояльность работодателям.

Отселе в своих проповедях с церковного амвона он будет заверять доверчивую паству, что к ним ворвались не поработители, а «освободители». Каннибальские оргии, учиняемые фашистами при бегстве из наших городов, в проповедях Сикорского превратятся в блестящие «победы» над Красной армией.

Циничное поругание наших святых — и церковных, и национальных — станет отменным проявлением культуры и цивилизации.

Виновник и главный заправитель происходящего перед ним всемирного кровавого кошмара, неистовый, едва ли даже вполне нормальный психически сатанист Гитлер, открыто глумящийся над заветами христианства, предлагавший Библию заменить своей психозной книгой «Моя борьба» и, кажется, совсем уже собравшийся объявить себя выше всякого глаголемого Бога и чтителя (2 Солун. 2, 4), — Гитлер в устах Сикорского, вероятно, предстанет под благочестивой личиной православной веры ревнителя, защитника и покровителя Святой Церкви.

Лакейски увлеченный, Сикорский будет теперь призывать украинцев целовать терзающую их руку в благодарность за свое образное «освобождение», всемилостивейше пожалованное им от Гитлера.

Впрочем, Сикорский едва ли и сам может теперь сказать, куда заведет его принятая им на себя недостойная роль и до чего он договорится в стремлении угодить своим новым хозяевам и обольстить православный украинский народ.

Польская автокефалия утверждена вопреки воле и благословению законного главы, Святейшего Патриарха Тихона, и его законных преемников.

Архиереи, примкнувшие к автокефалии, подлежат, по правилу 15-му Двукратного собора, «лишению всякого священства».

Митрополит Дионисий и сущие с ним архиереи остаются в священном сане только потому, что Патриархия не торопится с мерами взыскания, надеясь, что со временем согрешившие покаются и возвратятся в общение с матерью-Церковью (что и имело место для многих польских архиереев в 1939—1941 годах в Белоруссии и Украине).

Сикорский, самочинно объявивший себя главой украинской автокефалии, не только повторяет дурной пример митрополита Дионисия, но и усугубляет преступность своего самочиния многими вышеуказанными недостойными подвздошьями; и потому, наравне с прочими похитителями не принадлежавшего им церковного достоинства и вторгшимися в чужую область, Сикорский подлежит такому же лишению всякого священства: его священнодействия, в частности совершаемые им хиротонии, отселе не действительны и безблагодатны, а всякие распоряжения по православным приходам ни для кого не обязательны (правило Двукратного соб. 15, Св. Ап. 35, Вселен. III, 8, Антиох. 13 и многие другие).

Именем Божиим заклинаю всех православных не поддаваться всем речам соблазнителя и не входить с ним ни в какое общение; крепче держаться за духовно породившую нас исконную нашу мать — Церковь Православную и идти только с нею одобренным и указанным ею путем.

Преосвященных же архипастырей Украины братски умоляю бодренно и молитвенно стоять на страже своей и не давать Боговрученной паствы на расхищение волкам, ее губящим».

Сергий, митрополит Московский и Коломенский, патриарший местоблюститель. Ульяновск.

5 февраля 1942 г., в годовщину Великой отечественной войны, 22 июня 1942 г., митрополит Сергий вновь беседует со своей паствой в форме посланий: для паствы московской и особо — для всей Церкви.

Сергий, митрополит Московский и Коломенский, патриарший местоблюститель. Ульяновск

«Возлюбленным о Христе — православной пастве Московской и находящимся в Москве православным архипастырям и всему клиру.

Благодать вам и мир да умножатся! Великое утешение для нас слышать о вашей вере и любви к Господу и к святой его Церкви. Радуете вы нас и тем, что желаете нас видеть, как и мы вас (1 Сол. 3,6), потому что поистине «тогда только мы и живы», сознаем, что живем, и живем не напрасно, что есть цель и смысл для нашего существования, когда мы слышим, что вы твердо «стоите о Господе» (ст. 8).

Да хранит же вас Господь в этом благом устроении вашем и впредь. Помолитесь, чтобы Он своими судьбами ускорил и наше возвращение к вам и дал нам радость снова быть вместе с вами в нашей благословенной Москве и вместе молиться в родных нам ее храмах.

Сегодня исполнился год, как началась эта война. Если бы кто и сказал нам, что придется перенести нашей стране за этот год, описал бы все злодеяния фашистов, вероятно, многие в ужасе отшатнулись бы и не поверили бы, что все это можно пережить. Поливая нашу землю кровью, враг устремился к Москве. Казалось (по крайней мере он так думал), что ничто уж не может помешать ему овладеть ею. Москва уже видит лица вражьи. Он уже рядом, уже протягивает к Москве свою грабительскую руку, уже хватает за наш венец. Но случилось то, что не один раз уже случилось с Москвой и в прежние времена, по слову поэта:

*Но улыбкой роковую
Русский витязь отвечал,
Посмотрел, тряхнул главою,
Ахнул дерзкий и упал.*

Повторила и Москва эту свою давнишнюю роковую улыбку, и фашисты исчезли из-под Москвы, а она по-прежнему стоит цела и свободна. Сияет своим Кремлем, молится в своих храмах и одного только с нетерпением ждет: когда, наконец, фашистов прогонят совсем из родной страны.

Много испытаний перенес наш народ за минувший год, но много и славных подвигов совершено отдельными лицами и всем народом. Последующие поколения запомнят этот год как год народной нашей славы, подобной 1812 году, когда разбит был Наполеон I. Неувядаемой славой покры-

ли себя русская армия и флот, отражая нападения врагов. Народ в тылу по мере сил содействовал успехам наших доблестных защитников. Кто усиленными темпами ковал оружие, кто заготавливал хлеб, кто обучал смену, кто просто жертвовал на подарки армии. Московские церкви в ответ на призыв архипастырей собрали на подарки более трех миллионов рублей, кроме теплых вещей.

Нижегородская церковная община, не посрамила памяти Козьмы Минина, предоставила больше миллиона рублей на подарки и до сотни тысяч на теплые вещи.

Война еще не кончилась, но перед нами брезжит перелом войны в нашу пользу. Наши армия и флот, с которыми враг хвалился расправиться одним взмахом, продолжают стоять во всеоружии, отражают натиск врага и теснят его назад к границе. Враг истекает кровью, напрягает последние свои силы, чтобы удержаться на наших рубежах, и недалеко время, когда он побежит от нас в свои звериные норы.

В борьбе с фашистами мы не одиноки. На днях из Америки, из Нью-Йорка, к нам поступила телеграмма от Комитета по военной помощи русским. Пятнадцать тысяч религиозных общин США устроили 20—21 июня (канун начала войны) особые моления за русских христиан, чтобы запечатлеть память о сопротивлении русских фашистским агрессорам и чтобы поддержать в американском народе помощь русским в их борьбе против фашистов.

Лучшие люди в свободных странах становятся за нас и готовы разделить с нами борьбу нашего народа.

Будем же достойны и этого международного сочувствия и этих пламенных ожиданий единоверцев и соплеменников наших и не ослабим решимости стоять до конца в священной борьбе за целостность нашей земли и за свободу угнетенных фашизмом народов.

Год войны уже прошел. Больше половины испытаний пережито. Воскликнем друг ко другу, вместе с сорока мучениками: «Не уклонимся, о воины, еще мало претерпим, да венцы победными увяземся (увенчаны будем) от Христа Бога и Спаса душ наших» (Стихира на Господи воззвах 9 марта).

Благодать Святаго Духа да будет с вами. Аминь».

Патриарший местоблюститель Сергий, митрополит Московский и Коломенский. 22 июня 1942 года

В дни всенародного патриотического подъема по сбору пожертвований на дело скорейшего окон-

чания войны митрополит Сергей обращается к верующим с призывом к жертвам на общецерковную танковую колонну имени Дмитрия Донского (декабрь 1942 г.).

К архипастырям, пастырям и приходским общинам нашей Православной Русской Церкви Божиею милостию, патриарший местоблюститель смиренный Сергей, митрополит Московский и Коломенский

«Благословив Дмитрия Донского на Куликовскую битву с мамаевыми полчищами, Преподобный Сергей Радонежский послал в ряды русских войск двоих сподвижников из числа братьев Троицкой лавры.

Два воина немного могли прибавить силы русскому оружию. Но они были посланцы от Преподобного Сергея и его лавры.

Видя их в своей среде, русское воинство воочию убеждалось, что за святое дело спасения родины оно благославляется Православной Церковью, что молитвы Сергея сопровождают на поле битвы. Это было утешением и ободрением верующему воинству на предстоящий ему великий подвиг. В настоящее время много говорят о предстоящей решающей битве с немецкими захватчиками, которая сметет фашистские полчища с лица нашей земли и откроет путь к свободе всех теперь порабожденных народов Европы и к прекрасному для них будущему.

Вероятно, и в этой предстоящей битве решающее значение, как и до сих пор, будет принадлежать нашей доблестной Красной Армии.

Сознавая это, наш народ открыл соревнование в жертвованиях на оружие идущему в бой своему воинству. Колхозы и частные лица посылают свои сбережения на постройку танков и самолетов.

Есть среди жертвующих имена и православных священников. Например, священник Шубинского прихода Кунгурского района Александр Троицкий внес 100 тысяч рублей.

Повторим же от лица всей нашей Православной Церкви пример Преподобного Сергея Радонежского и пошлем нашей армии на предстоящий решающий бой, вместе с нашими молитвами и благословением, вещественное показание нашего участия в общем подвиге: соорудим на наши церковные жертвования колонну танков имени Дмитрия Донского.

Пусть наша церковная колонна понесет на себе благословение Православной нашей Церкви и ее неумолкаемую молитву об успехе русского ору-

жия. Нам же всем даст утешительное сознание, что и мы не останемся стоять в стороне, что и мы по нашей силе и способности участвуем в святом деле спасения родины.

Свои пожертвования на указанный предмет преосвященные архипастыри, церковные причты и общины, а равно и частные лица из состава причтов и приходов, вносят в местное отделение Госбанка для перевода их в Москву, в фонд на сооружение колонны имени Дмитрия Донского, главной конторе Госбанка, одновременно извещая меня в Московскую Патриархию о вносимых пожертвованиях. Об учреждении означенного фонда Патриархия возбуждает ходатайство перед надлежкими властями.

В свое время накопившиеся в фонде жертвования будут мною от лица Православной Русской Церкви переданы в распоряжение Председателя Совета Обороны Иосифа Виссарионовича Сталина, вместе с отчетом о жертвователях и об их жертвованиях.

Итак, да благословит Господь наше начинание во славу Его святого имени и на пользу нашей великой родины».

Патриарший местоблюститель Сергей, митрополит Московский и Коломенский. 30 декабря 1942 года. **НО**